

Огонек

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 52 (300). 23 декабря 1928 г.

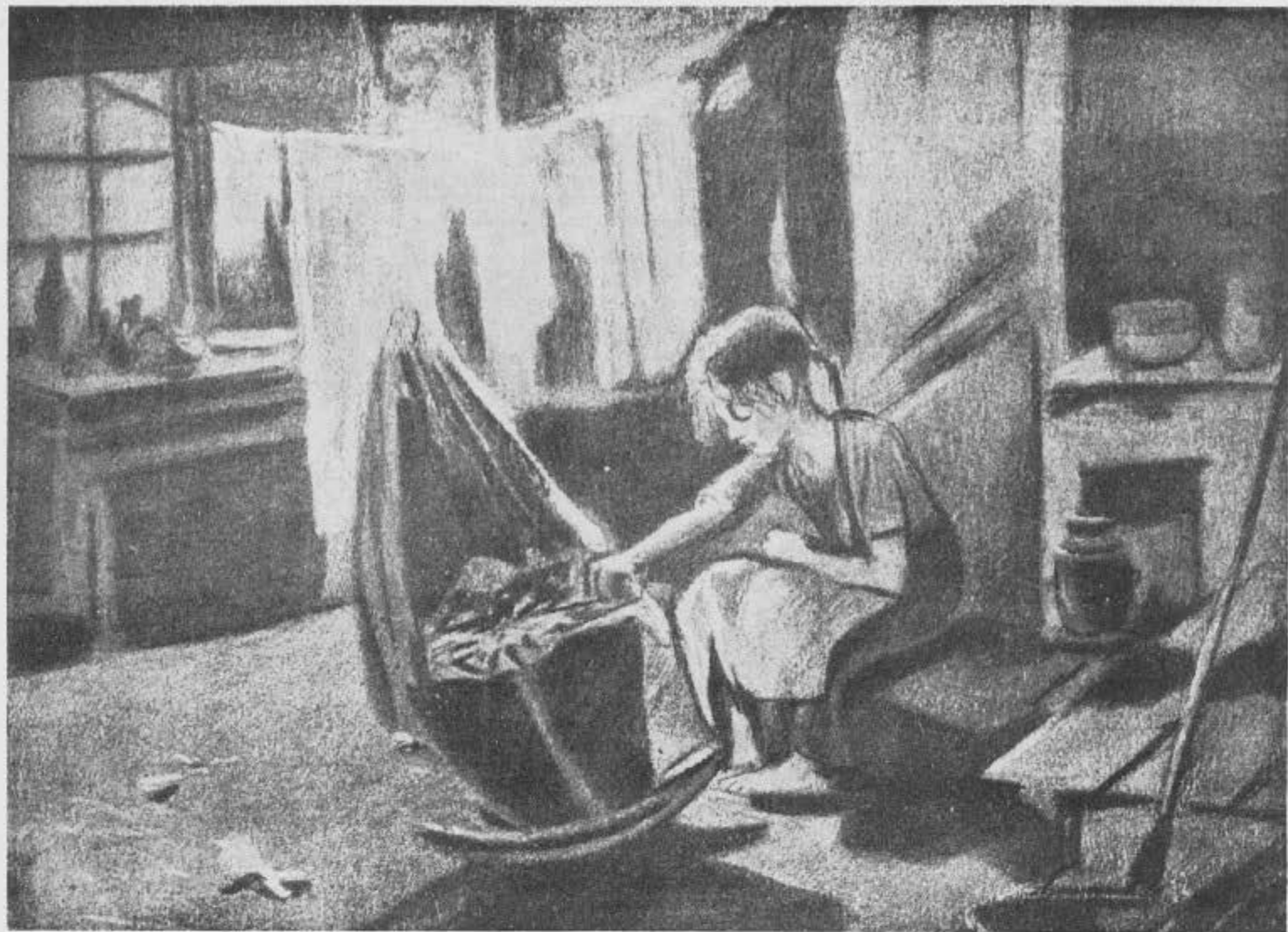

Иллюстрация художника Пластина к рассказу Чехова „Скрипка Ротшильда“.

НАМ НАДО ЗНАТЬ ЧЕХОВА

Очерк *Евгения Зозули*.

Чехов как-то говорил о себе:

— Меня будут читать лет семь.

Он ошибся. Приближается 25-летие его смерти, и его читают попрежнему. Не только у нас, но и почти во всех странах Запада и Востока. Книжки Чехова выходят на всех европейских языках, и не меньшей любовью, чем в Европе, они пользуются в Японии и Китае. О Чехове много пишут, стараются разгадать, понять причины его исключительного обаяния. В одной немецкой газете появилась статья под таким названием: „Tschechow, Tschechow, und kein anderer“ („Чехов, Чехов, и никто другой“). Вряд ли о многих писателях можно найти критические статьи с такими заголовками.

У нас Чехова читают беспрерывно, и книжки его выходят издание за изданием. Это понятно. Огромная революция потрясла старый быт. Ее могучие удары нанесли ему широкие и глубокие пробоины. Бесконечное количество трещин разбежалось во все стороны его заплесневелой поверхности. Во многих и многих местах молодое пробивается и уже пробилось побег нового быта. Но все же значительные области еще дышат старым. Еще не ушли нас „чеховские“ люди, „чеховские“ настроения и все то смешное, жалкое и печальное, что так беспощадно высмеивал Чехов, что он умел жалеть и о чем он печалился.

Однако, неверно думать о Чехове, что он только смеялся в первый период своего творчества, а во второй только грустил.

Он еще и ненавидел.

Чехов ненавидел,—и надо это подчеркнуть—до конца ненавидел,—все застойное, мрачное, реакционное.

Это была не только литературная ненависть. Это был не литературный „прием“

ненависти, как у нас теперь в размеренных стихотворных строчках и в гладеньких рассказиках, новеллках и романчиках ненавидит мещанство, буржуазию, фашизм и все, что полагается ненавидеть.

Чехов ненавидел всякую эксплуатацию, жадность, пошлость, мещанскую ограниченность и бездарность—безоговорочно, в чем бы она ни выразилась и в ком бы ни проявилась.

Он даже не тратил пафоса для разоблачений. Он просто клеймил—клеявил раз и навсегда, с холодной, продуманной, непоколебимой твердостью в обычной своей манере сугубого объективизма.

Он убивал, разил, пригвозждал одним-двумя словами то, что ненавидел. Трудно представить себе более „неподкупного“ писателя, т.е. более верного своей писательской и человеческой совести, нежели Чехов. У него, несмотря на огромную впечатлительность и сложный жизненный путь, нельзя найти во всем том, что он писал—включая даже и письма—буквально ни одной фальшивой ноты.

Он, конечно, менялся, как меняются вообще люди. Чехов менял и убеждения. Он, например, несколько лет увлекался толстовством, затем остыл к нему. Были у него и другие увлечения.

Но ненависть ко всему гнилому и отсталому, пошлому и черному не ослабевала в нем ни на минуту, и нельзя себе представить, чтобы это могло с ним случиться, т.е. чтобы в нем ослабела ненависть к гнусности застойной жизни.

Десятки, сотни чеховских персонажей, обрисованные с беспощадной и изумительной чеховской художественной меткостью, стоят и сейчас перед нами, как живые.

Увы, ими и достаточной мере кишат еще значительные области нашего быта. Чеховский обыватель перекрасился и ютится, как клоп, в расщелинах еще не изжитого нами старья.

Мы встречаем ежедневно в новой обличке и его унтера Пришибеева, и его „человека в футляре“, и разного вида его мещан, тупиц и жуликов, и его бездельников разной формации, и телячьих его оптимистов, вроде жениха, убежденного, что он едет к невесте, а на самом деле сегонего в поезд, идущий в обратную сторону, и всевозможного типа ни во что не верующих, скулящих нытиков.

Можно составить длинный список сохранившихся в нашем быту чеховских героев, разоблачением которых и посланным перевоспитанием занимается изо дня в день наша общественность, наши фельетонисты, рабкоры, писатели и юмористические журналы.

Кто разоблачается у нас в любом фельетоне, рабкорской заметке, в стенгазете, в судебном приговоре?

На три четверти это чеховский мещанин, припавший сейчас облик советского учрежденческого бюрократа, слюнтяя, склочника, пакостника, дурака, пьяницы и стяжателя!

Чаше всего это мелкий зверек из мелких рассказов раннего периода чеховского творчества. Но часто это и крупный хищник, образовавшийся на революционном фоне из тех же опустошенных чеховских душ. Чем стал бы, например, какой-нибудь Орлов из „Рассказа неизвестного человека“, если бы он дожил до нашего времени? Совершенно ясно,—другого пути, как в шахтинцы, у него не было бы. Он был бы шахтинцем, несомненно.

А чеховский фельдшер, который сидит за столом, широко разбросав локти и растопырив под столом ноги, и отказывает больной старухе в калях:

— Какие тут каля! Пожила старушка, пора и честь знать.

— Оно - то так, родимый, — стонет старушка, — по великому насекомому жить хочется.

— Мало ли что, — не отрываясь от стола, продолжает сидеть спиной к больной, отвечает фельдшер¹.

Разве этот фельдшер не образец нашего порою чудовищного, зоологического бюрократизма?

А чеховские деревенские кулаки? Какой-нибудь Дюдя, например, из рассказа „Бабы“? Чем он отличается от нынешних деревенских стижателей? Или другие чеховские кулаки всех калибров и типов?

А чеховские „учители словесности“? Разве часто возникающие школьные показательные и непоказательные процессы не изобличают наличие достаточного количества в нашей школе всяких прогнивших чеховских чиновников?

А чеховский „злумышленник“ отвинчивавший гайки с рельсов для того, чтобы использовать их в качестве тяжести при ловле рыбы?

Сколько таких бессознательных „злумышленников“, опять-таки в перелицованном и перекрашенном виде, кипит в наших учреждениях и в нашем быту и по сей день?

Можно было бы, повторим, удлинить этот список до бесконечности. Его хватило бы не на журнальный очерк, а на книгу.

И Чехов нам нужен сейчас не только как крупнейший художник, давший ряд незабываемых картин и образов эпохи, предшествовавшей революции. Он нужен нам и как богатый и точный справочник по борьбе с разнокалиберной и достаточно разноцветной массой лишних людей, пробравшихся к нам по прямому наследию из до-революционного быта.

Если вдуматься, то наши лишние люди в ряд ли особенно многим отличаются от чеховских героев. И ценность Чехова состоит не только в том, что он их изображал, и даже не в том, что он их изображал ярко, исключительно художественно и освещал это изображение глубокой болью своей.

Для нас изучение Чехова сейчас, помимо всего прочего, ценно еще и потому, что Чехов изображал своих отрицательных

героев — *точно*. Именно это сейчас является во многих отношениях решающим моментом в той пользе, которую может дать чтение Чехова современному советскому читателю.

Чехов — едва ли не единственный писатель послегоголевского периода, изображавший остальных людей с максимальной точностью, как врач, каким он и был, но сумевший, однако, гениально применить методы точного, почти медицинского анализа в отношении социальных болезней своего времени.

Точность и ясность, с какой Чехов вел свои многосторонние и точные наблюдения, не говоря уже о неповторимой своей художественной убедительности, исключительная его объективность в определении и обрисовке тех, с кем нам еще нужно упорно и долго бороться — делает его книги необходимыми для каждого, кто ненавидит старое, дряблое, жалкое в своих несбыточных претензиях и хочет успешно с ним бороться.

Совершенно неверно мнение, распространенное о Чехове, что он пессимист. В значительной мере это впечатление составилось оттого, что темы его повестей и рассказов серьезные и часто печальные даже тогда, когда Чехов заразительно смеется и заставляет невольно хохотать своего читателя.

Чехов — не пессимист. Во всяком случае, не в такой мере, как многие думают. Но это — особая тема, и о ней пужно говорить особо.

А сейчас нам хочется указать на то, что кем бы он ни был — Чехов — оптимистом или пессимистом, ненависть его к старому миру глубока и серьезна, и в своих рассказах он не только ярко выразил ее, но — повторяем — с исключительной *точностью* нарисовал галерею типов, которую нам следует хотя бы в силу этой точности знать для того, чтобы успешнее с ней бороться.

Ибо с „героями“ Чехова мы боремся каждый день и будем еще бороться долго.
Ефим Зозуля.

¹ Цитата приведена на память.